

18+

Роля Кама  
*В тебе тайны Вселенной*



Роля Кама

**В тебе тайны Вселенной**

«Издательские решения»

**Кама Р.**

В тебе тайны Вселенной / Р. Кама — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-562915-9

Анализируя события жизни, хочу сказать, что все вело к тому, чтобы я написала этот нон-фикшн. Мое повествование помогает людям пережить сложный период жизни или стать его Творцом. Казалось бы, совместить это в одно целое, полученные познания и пережитый опыт, и даже пользоваться ими во благо себя невозможно... Но, опираясь на достигнутые успехи, могу сказать, что в любом человеке заложены необъятные возможности и тайны Вселенной.

ISBN 978-5-00-562915-9

© Кама Р.

© Издательские решения

# В тебе тайны Вселенной

## Роля Кама

© Роля Кама, 2024

ISBN 978-5-0056-2915-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Книга не пропагандирует употребление наркотиков, психотропных веществ или каких бы то не было других запрещенных веществ. Автор категорически осуждает производство, распространение, употребление, рекламу и пропаганду запрещенных веществ. Цель книги – показать негативное влияние запрещенных веществ на человека.

Благодарю всех, кто принял участие в моей жизни. В том числе и тех, которые причинили мне боль и страдания, без вас, я бы не стала тем человеком, кем являюсь сейчас.

«Порой жизнь и Творец испытывают нас, забирая самое дорогое, чтобы развить нас, чтобы познать это великодушие, чтобы поставить нас на путь служения миру. Жизнь испытывает нас, чтобы делая свой выбор, мы становились поистине Людьми. Наши мудрецы говорят: «Творец всегда хочет дать больше, даже когда забирает самое дорогое». Другой вопрос в том, как в сложной ситуации довериться и взять то, что Он хочет дать? Для этого надо иметь особый внутренний сосуд основанный на глубинных ценностях, на намерении отдавать и реализовывать себя, на желании сохранять человеческий облик и достоинство, не смотря ни на что. Все это, в свою очередь, помогает найти смысл своих страданий, смысл дальнейшей жизни. Это помогает найти достойную цель и свой Путь»

/Леа Веденски/

### ГЛАВА 1

#### ИЗ РАЯ В АД

В жизни все временно. Если все идет хорошо — наслаждайся, это не будет длиться вечно. Ну, а если все паршиво – не кисни, это тоже не навсегда.

/Дэвид Лоуренс/

Мы с Александром жили в гражданском браке уже десять лет. Он был русским, старше меня на десять лет, высокий, стройный, светлые волосы, голубые глаза, прямой нос. По его внешнему виду, можно представить императорского офицера. Он действительно был офицером – инженер военного

строительства, окончил Суворовское училище и военную академию. В Афганистане был ранен в ногу,

поэтому ходил с тростью. Тоненькая бамбуковая трость в его руках смотрелась элегантно. Я всегда была стройной, маленькой азиатской. Мой поднятый подбородок, прямая спина, отличная фигура, уверенный взгляд азиатских глаз, гордая походка, приятная улыбка всегда привлекали мужчин. Мы вдвоем любили иногда посидеть в ресторане, так сказать «показать себя и на других посмотреть». Но после одного случая, когда пьяный тувинец обозвал меня русской подстилкой, мы стали на отдых выезжать в соседние регионы.

Александр был пенсионером, занимался домом. Во дворе управлялся рабочий, его сестра приходила убирать по дому. Мои дети учились в других городах. Вот такой спокойной жизнью мы жили до сегодняшнего вечера.

Дик последнее время, почему то беспокойно ведет себя. Возможно, он животным чутьем ощущал о предстоящих бедах, хотя в нашей обыденной жизни ничего плохого не предвещало.

Дик залаял, повернув голову в сторону улицы, видимо, кто-то к дому подъехал. Посмотрела на часы, девять часов вечера, кто бы мог быть? У нас практически никого не бывает, и никто не звонил, не предупреждал о приезде. Я посмотрела из окна гостиной. Возле дома стоял белый автомобиль, из которого вышел мужчина, увидев меня в окне.

– Я пойду, посмотрю.

– Дика возьми с собой.

Я надела халат с капюшоном на голову, шубу, на голые ноги надела унты. Дик скулил, пытался выйти со мною, но я оставила его дома. Вышла за калитку, смотрю, машина переставлена ближе к калитке. Задние двери машины открываются, выходят двое мужчин, хватают меня под мышки и затаскивают в машину. Я разглядеть их не успела, на улице было уже темно. От возмущения и шока я потеряла дар речи, а машина уже ехала в сторону поселка, то есть меня вывозили из города.

«Что происходит, куда меня везут, зачем?.. Так, успокоиться, взять себя в руки. Спереди сидят двое, по бокам меня тоже двое. Уголовники? Нет! Они так не одеваются. Милиция? Но это же незаконно! Нет! Значит, это не милиция. Но кто же?»

– Куда вы меня везете?

Постаралась я спросить ровным голосом. Пассажир спереди оборачивается ко мне и говорит:

– Даниловна, все узнаете в свое время.

В темноте не разглядела лицо, но очертания лица показались мне знакомыми, да и голос вроде знакомый. Пока я вспоминала, где я встречала этого человека и развиралась со своими мыслями, машина подъехала к районному отделу милиции поселка. Меня завели в здание милиции, один из сопровождавших дежурному говорит:

– Пока можешь не оформлять ее.

Тот, который разговаривал со мною, остался в машине. Позже я его вспомнила, это был Динчит, следователь министерства внутренних дел. У меня с ним когда-то были близкие отношения, но я выбрала Саню.

### ОБВИНЕНИЕ

В стенах правоохранительного органа я окончательно пришла в себя, у меня появилась уверенность и, соответственно, я стала возмущаться.

– Что вы позволяете себе, вы нарушаете мои права, выкрадв меня из дома. Где у вас постановление на мое задержание, и по какому поводу вы меня задерживаете? Дайте мне телефон я вызову адвоката...

В кабинете кроме меня находились трое сотрудников. Казалось, что они не слышат меня, но задали вопрос:

– У вас есть знакомые на Паротурбинной?

– У меня в этом районе нет ни друзей, ни родственников. Объясните, пожалуйста, что тут происходит?!

Паротурбинная – это район двухэтажных полуразрушенных бараков в поселке, где был расположен этот районный отдел милиции, в котором я находилась.

Один из сотрудников подошел и ударил меня в ухо, от сильного удара я слетела со стула на пол.

За долю секунды у меня в голове пролетело множество мыслей о том, как в годы репрессий сотрудники НКВД так же избивали невинных задержанных.

Представители милиции грубо крадут меня из дома, полуголую, привозят в милицию и бьют. В жизни на меня никто руку не поднимал. Почему сотрудники милиции избивают меня, женщину? Мне становится страшно.

Один из сотрудников говорит:

– Надо же, убила человека и не помнит где.

Господи, что происходит, какое убийство? Я

самостоятельно встала с пола и села на стул.  
Пережитое унижение и физическая боль куда-то ушли  
от услышанных страшных слов.

– Какое убийство, вы что, с ума сошли?!

Услышанное, никак не умещалось в моей голове. Я  
просто была ошарашена.

– Мы можем освежить вам память. Вы вместе с  
другими убили женщину.

Чем дальше, тем страшнее. От всего  
происходящего, от страшного обвинения у меня все  
перемешалось в голове, я не знала, о чем думать,  
в каком направлении искать ответы. Проанализировав  
действия этих людей, я не стала больше задавать  
вопросов, я просто стала немой. Не думаю, что они  
меня убьют, а утром все прояснится. Рано или поздно  
весь этот кошмар закончится. И я этих сволочей  
засужу.

Меня провели в другой кабинет, в котором  
продержали всю ночь. Мужчина с бандитской  
внешностью до утра издевался надо мной. Позже я  
узнала, что это был оперативник Сангаа. Мое  
молчание его раздражало, и он, выключив свет  
в кабинете, направлял настольную лампу мне в лицо,

при этом кричал, чтобы я не закрывала глаза.  
Подносил к глазам зажженную зажигалку. Нагло сняв  
с меня шубу, но сам, надев верхнюю одежду, открывал  
окно. Сев ко мне вплотную, курил сигарету и выдувал  
дым мне в лицо. Я не хотела верить происходящему,  
но все это происходило со мною, в России,  
а не в какой-нибудь стране третьего мира. Я видела,  
что эти издевательства его увлекают. Неизвестно на  
что Сангаа еще был способен. Его нужно было как-то  
остановить, так как очень замерзла, и я обманула:

– Я беременна, и ваши издевательства приведут  
к выкидышу. Возможно, прямо сейчас и тут.

– Нечего было молчать об этом. Ладно, пожалею  
твоего убудка.

Было шесть часов утра, когда Сангаа повел меня  
в камеру временного содержания, которая находилась  
напротив дежурной части отдела.

Сотрудник дежурной части всех задержанных мужчин  
поместил в одну камеру, а в другую поместил меня.

От мужчин меня разделяло решетка. Я обратилась  
к мужчинам:

– Есть кто-нибудь, который уверен, что сегодня  
освободится?

Один из русских, показав на друга, сказал:

– Нас задержали с гашишем. Не отпустят, мы ранее

судимые.

Тувинский парень ответил:

– Меня обещали отпустить.

Остальные молчали. Я обратилась к парню:

– Как тебя зовут?

– Буян.

– Буян, пожалуйста, позвони ко мне домой.

Скажешь: «Ваша жена находится в районном отделе милиции, обвиняется в убийстве».

– Я номер телефона не запомню.

Я увидела спичечный коробок. Наслюнявила серу спички и написала на коробке домашний номер телефона.

Через несколько минут Сангаа пришел за мною.

Сотрудник дежурной части с беспокойством спросил его:

– Мне ее нужно оформить по всем правилам.

– Ладно, оформляй, я сейчас принесу ее данные.

На этот раз Сангаа стал играть роль доброго следователя.

– Давайте спокойно пообщаемся. От меня требуется всего лишь взять от вас показание, при каких обстоятельствах была убита Павлова. Может быть, лично вы не принимали участия, а ваши знакомые. Вот вам листок бумаги, ручка, пишите. Я не буду вам мешать.

Он вышел, закрыв меня в кабинете. Наконец-то появилась хоть какая-то информация.

Павлова – кто такая? Если по фамилии, то женщина русская. Но среди моих знакомых и клиентов женщины с такой фамилией нет. Может быть, это клиент Ани или других сотрудников?

Я была генеральным директором агентства недвижимости, туризма, ремонта и уборки помещений.

Последнее время была полностью занята созданием и разработкой проекта по активному туризму в Республике. Отделом недвижимости занималась Аня, юрист агентства. Тем не менее, я была в курсе всех сделок, поэтому не припомню клиента с такой фамилией. Так я копалась в своих мыслях, но не находила никакого ответа. Тем временем пришел Сангаа и с сожалением или с раздражением вздохнул, увидев пустой лист бумаги. Посмотрев на часы, я отметила, что просидела одна почти час, а мне показалась, как будто всего лишь минуты прошли.

Меня опять отвели в камеру временного содержания. Вижу, что Буяна нет. Двое русских мужчин, которых задержали с гашишем, сказали, что его освободили.

Появилась надежда, что ты узнаешь, где я нахожусь, и заберешь меня.

На меня навалилась огромная усталость, организм подсказывал, что я сутки не спала. Достаточно было закрыть глаза, и я погрузилась в сон. Не знаю, что

это, интуиция или неведомые силы, я проснулась, и в это время зазвонил телефон у дежурного.

Дежурный сотрудник милиции отвечал:

– Да, есть такая, ... задержана, ... не имею права ... нет.

Дежурный положил трубку и позвонил Сангаа.

– По поводу задержанной женщины звонили, ... я подтвердил, ... Нет ... нет.

Через несколько минут Сангаа подходит к дежурному и говорит:

– Оформляй ее. Этим скажешь, что меня нет, я на выезде.

После чего слышно было, что захлопнулась входная дверь, он покинул здание районного отдела. Я стала ждать тебя и Владимира Николаевича, твоего друга адвоката. Как долго движутся стрелки часов. И вот слышу голос Владимира:

– Задержанная Кама находится тут?

– Да.

Ты кричишь мне:

– С тобой все в порядке?

– Я жива, – отвечаю я тебе. Тем временем

Владимир спрашивает дежурного:

– Кто задержал? По какой статье?

– Она доставлена оперуполномоченным Сангаа, по какой статье не могу сказать.

– Я адвокат задержанной, вызовите мне Сангаа.

– Его нет, он на выезде.

– Пропустите меня к начальнику отдела.

– Его тоже нет на месте.

– Меня обвиняют в убийстве какой-то Павловой, которую я не знаю.

Кричу я. Через пять часов меня выводят из камеры, в коридоре встречаю мужа и адвоката.

Взгляд Александра обеспокоенный и тревожный.

Владимир вместе со мною идет в кабинет. В кабинете за столом сидит жирный мужчина с толстыми губами и с пустым взглядом. Было ощущение об очень неприятном человеке – убьет любого, но не своими руками. Противный, мерзкий холод веял от него.

Представился следователем Следственного комитета по особо тяжким делам Монгуш МС. С. затем для

ознакомления представил постановление  
о предъявлении обвинения.

В постановлении было указано, что я вместе  
с Чимит А., Чимит В., Кадыр-оол А. в начале мая  
2007 года в квартире 28, дом 17 по улице  
Паротурбинной убили гражданку Павлову Д. В.  
в присутствии свидетеля. Данные свидетеля  
в интересах следствия и в целях защиты свидетеля  
не указываются.

– Это чушь какая-то, кто мог выдумать такое?!=  
сказала я.

– Вы хотите дать показания по предъявленному  
обвинению? – спрашивает меня следователь.

– Да, хочу.

Владимир говорит мне:

– Надо подумать.

– Владимир Николаевич, о чем думать, никакого  
преступления не было.

– Пишите. Я не знакома с Павловой. В указанной  
квартире никакого убийства с моим участием не было.  
Прошу допросить в качестве свидетеля хозяйку этой  
квартиры Монгуш З. Т. и членов ее семьи. Я  
невиновна, никакого убийства не совершала. Больше  
мне нечего сказать.

Мои показания были запротоколированы.

Следователь оповестил нас, что завтра состоится суд  
по заключению под стражу, а сейчас меня увезут  
в изолятор временного содержания. Я обратилась  
к Владимиру:

– Привезите, пожалуйста, мне вещи. Саня  
соберет вам.

Опять завертелись мысли – может быть, Чимиты  
убили, а теперь хотят свалить на меня? Надо просить  
очной ставки с этим свидетелем, кто он? Да не может  
быть, что Чимиты кого-то убили. Может быть, Динчит  
хочет подставить меня, но при чем тут Чимиты?

.....

Оглядываясь назад, могу сказать, что я должна была  
пройти эту дорогу жизни. Передо мной открывалась  
одна из сторон жестокой реальности жизни и  
невероятные тайны природы. Мне предстояло пройти  
долгую дорогу в глубину своего собственного Я.

#### ИЗОЛЯТОР ВРЕМЕННОГО СОДЕРЖАНИЯ – ИВС

Меня привезли в изолятор городского отдела  
милиции. Сотрудники изолятора смотрят на меня  
с изумлением, видимо, мой наряд их смущает. До меня  
доходит, что я все еще в своей домашней одежде.

Острое желание уснуть и проснуться дома. Далее меня приводят в каптерку, чтобы я выбрала подушку, одеяло, матрас. Я с трудом все это подтаскиваю до камеры. Наконец-то меня заводят в камеру, где можно поспать. В камере темно, сильно воняет мочой, половой унитаз очень грязный. Постучалась в дверь и попросила хлорки, чтоб засыпать унитаз. Спасибо, что принесли и проконтролировали, что я действительно использую по назначению, а не употребляю для отравления. Затем, расстелив матрас, упала в бездонный сон.

.....  
Думаю, что у любого человека в любой ситуации, даже в незнакомой атмосфере срабатывает инстинкт самосохранения. Но у каждого он разный в зависимости от социальной среды. Наш мозг выявляет из памяти всю информацию относящейся к данной ситуации. Возможно и то, что похожую ситуацию человек пережил в прошлых воплощениях.

.....  
Утром меня разбудил стук в дверь.

- Завтрак заберите.
- Сколько времени?
- 6 часов утра.

Хотела выйти из камеры, но вижу в коридоре, на полу алюминиевую тарелку с какой-то кашей, рядом алюминиевый стакан с чаем, на нем кусок хлеба.

Увидев пищу, я почувствовала, что очень голодна, вторые сутки ничего не ела и не пила. Взяв свою порцию еды, я зашла в камеру.

Саня, ты бы видел, как жадно я ела кашу с хлебом, я ведь дома хлеб практически не ела.

А тут кашу с хлебом съела!

Мысли освежились после сна, силы прибавилось, но все же это дикое обвинение меня сводит с ума.

Ничего, разберутся, я этого оперативника Сангаа засужу.

В 8 часов утра меня выводят из камеры для вывоза в районный суд. В коридоре встречаю Аню.

С удивлением и возмущением спрашиваю:

- Что происходит, Аня?
- Я не знаю, я в шоке. Кто такая Павлова? — спрашивает она меня.

– Не знаю, я у тебя хотела спросить. Думала, что это твой клиент по недвижимости.

– Ты же знаешь, у нас нет клиента с такой фамилией. Я подумала, что это твоя знакомая.

– А я думала, что это вы что-то задумали против

меня. Монгуш З. когда квартиру выставила на продажу?

– В августе 2007 года, есть договор о получении задатка. После получения денег она с семьей переехала на дачу.

– Значит, они в мае жили в своей квартире? Может быть, они убили эту Павлову, а теперь хотят свалить на нас?

Нас и других задержанных мужчин привезли в здание на территории районного суда и поместили в камеру. Я рассказываю Ане, как меня выкрали из дома. Она мне рассказала, что ей позвонили и попросили прийти в милицию с паспортом, а там продержали несколько часов и предъявили обвинение, после чего поместили в ИВС. Аня говорит:

– Не может быть, чтобы Монгуш З. с семьей хотят на нас свалить преступление. Нас обеих она знает, но не знает моего брата и мужа.

– Точно. Нужно просить, чтоб ее и членов семьи вызвали на очную ставку с нами.

– Кто этот свидетель? Кому нужно нас оговаривать?

К этому времени в помещение зашел русский оперативник, который присутствовал в кабинете, когда меня ударили. Он сказал судебному конвою, что хочет забрать меня. Я закричала:

– Я никуда не пойду, они меня избивали!

Я находилась под юрисдикцией судебного конвоя.

Начальник конвоя отказался выпускать меня из камеры, после чего оперативник вышел. Через некоторое время зашел Сангаа, видимо, ожидал на улице. Он стал грубо разговаривать с конвоем, чтобы они отдали меня ему. От такого напора начальник судебного конвоя так же на повышенном тоне ответил:

– Задержанная в настоящее время находится под моей ответственностью, и я не имею права нарушать инструкцию. Кроме того, задержанная Кама заявила, что на нее оказывали физическое давление.

Оперативники ушли. Видимо, им было поручено выбить из меня явку с повинной до суда.

Не на ту нарвались, дорогие.

Появился Владимир с моими вещами. Аня моей шубой закрыла часть решетки, чтобы я смогла переодеться.

Пока я одевалась, мы с Аней рассказали Владимиру наши доказательства. Позже от Ани я узнала, что они с Владимиром были ранее знакомы, работали в этом отделе милиции.

Когда меня и Аню завели в зал суда, мы увидели, что за решеткой находятся Андрей (муж Ани) и Валера (брат Ани), нас запустили к ним. У них был возмущенный взгляд на нас, они с нетерпением в один голос спросили:

– Что происходит?

Мы им рассказали о хозяйке этой квартиры, где якобы нами было совершено убийство. Они ведь не знали, где расположен этот дом, хозяйку дома и все подробности, связанные с продажей этой

квартиры. После нашего рассказа, Андрей и Валера немного успокоились.

Объявили начало суда по рассмотрению ходатайства Следственного комитета о заключении под стражу на два месяца. Мы ходатайствовали об ознакомлении с материалами суда. В материалах суда имелись показания Костюк следующего содержания:

«В начале мая в 2007 года в квартире 18 дом 17 по улице Паротурбинной я находилась вместе с Кама и Аней, распивали спиртное. Квартира находилась на втором этаже. В квартире был стол, один стул и две железные в сетку кровати. Через некоторое время распахнулась дверь, и Андрей с Валерой завели в квартиру запуганную женщину. Затем они стали жестоко избивать эту женщину. К избиению присоединились Кама с Аней. Я их просила остановиться. Они вчетвером до смерти избили женщину, труп завернули в покрывало, и Андрей с Валерой куда-то увезли ее».

Какой ужас «до смерти избили женщину». Представить невозможно, мы достаточно состоятельные люди, распиваем спиртное в полупустой квартире с малознакомой женщиной и до смерти избиваем другую женщину. Где мотив преступления? Ужас. Опустили нас ниже канализации и сделали убийцами.

Костюк – была клиентом по недвижимости. Андрей и Валера спрашивают нас:

– Кто такая эта Костюк? Вы ее знаете?

– Да, она была нашим клиентом. Женщина на вид, злоупотребляющая спиртным. А может быть, она убила эту женщину? Аня, ты, когда ей показывала эту квартиру? – спросила я.

– В сентябре. Мы ее возили вместе, помнишь, эта квартира тогда была пустая.

– Костюк, наверное, думает, что эта квартира и в мае была пустой.

– Значит, она совершила преступление и хочет

свалить на нас, – говорит Андрей. Все замолчали, думали.

– Если это дело рук Костюк, то откуда она знает Андрея и Валеру? – задал вопрос адвокат. Андрей и Валера с вопросом посмотрели на меня и на Аню. Я с этой женщиной ранее не была знакома, значит, Аня была знакома с Костюк. Я, как и они, уставилась на нее.

– В 90-х годах я вместе с нею находилась в одной камере в тюрьме. Она рецидивистка по мошенничеству. Тогда она хотела настроить против меня камеру из-за того, что я бывший прокурор. Но сокамерницы выкинули ее из камеры. С тех времен встретила ее в первый раз в дороге из нашей фазенды в город, в июле 2007 года. Я об этом инциденте в камере не стала вспоминать, зачем. Просто пообщались. Она говорила, что освободилась прошлой осенью. Андрей и Валера молчали, вопрос о том, откуда Костюк знала их всех, был исчерпан.

Вообще это отдельная история, можно сказать, глубокая трагедия семьи, которая перешла в кровную месть. На тот момент я не знала всех подробностей. А пока, объявили начало суда. Зашла судья, красивая тувинка, высокая, стройная и ухоженная. По выражению лица видно, что она достаточно счастлива.

Итак, нам отказали в удовлетворении нашего ходатайства о вызове хозяйки квартиры и о вызове Костюк, мотивируя тем, что это действия предварительного следствия. По постановлению суда заключили под стражу на два месяца.

.....  
На тот период времени я плохо представляла, как работает энергия, карма человека, рода, карма страны – перечисленные виды энергии начали притягивать друг друга. Только сейчас, через десять лет, я осознала это.

На тот момент я понимала одно, что нужно присматриваться к окружающим тебя людям. Когда я пригласила Аню к себе на работу, она начала

говорить о судимости, но я остановила ее. Само признание, говорило о порядочности человека. Аня устраивала меня как ответственный сотрудник и хороший юрист.

Мы склонны впитывать в себя энергии людей, которые нас окружают. Данный вывод был сделан по результатам исследования, проведенного

Университетом Билефельда. Ученым удалось доказать, что мы все время находимся под влиянием энергии людей, рядом с которыми живём и работаем.

## ГЛАВА 2

### ТЮРЬМА – СИЗО

Как долго пленными нам быть в тюрьме мирской?  
Кто сотню лет иль день велит нам жить с тоской?

Так лей вино в бокал, покуда сам не стал ты Посудой  
глиняной в гончарной мастерской.

/Омар Хайям/

Нас привезли в тюрьму, в боксе чисто,  
но прокурено до тошноты. Пришли сотрудницы  
и начали нас обыскивать, до нижнего белья.  
Осматривая нас, одна из сотрудниц спросила:  
– По 159-й (мошенничество)?  
– Нет, по 105-й (убийство), – ответила Аня.  
Сотрудницы были слегка удивлены.  
– Кого убили-то?  
– Говорят, что женщину. Сами толком не знаем.  
– Как это не знаем?  
– Обвинение предъявили в убийстве женщины,  
которую мы не знаем.  
– Понятно. Ну, ничего, разберутся и отпустят,  
бывает у них такое.  
– Мы тоже так думаем.  
– В душ пойдете? В камере горячей воды нет.  
Я не думала, что сотрудницы в тюрьмах могут быть  
такими обходительными. Обычно в фильмах показывают  
злых сотрудниц.  
Нас повели по лабиринтам тюрьмы, наконец-то  
дошли до душа. С собою у нас ничего не было,  
поэтому нам выдали тонкое полотенце, кусочек мыла,  
которое ужасно воняет, алюминиевую посуду,  
постельное белье, матрас, одеяло и подушку.  
Постояли под горячей водой, после чего кажется, что  
усталость ушла и мысли прояснились.  
Прошло два дня с момента задержания. Я уверена,  
что разберутся и отпустят, долго тут не задержимся,  
минимум одну неделю.  
Когда вышли из душа, оказалось, что матрас и все  
остальное, нам нужно нести самим.

– Нет, нет, я не понесу. У меня не хватит сил

и рук нести все это, – с возмущением говорю я.

Сопровождающий сотрудник советует:

– Нужно матрас завязать простыней, легче будет нести.

– Ага, и закинуть себе за спину, нести как мешок?! Вы представляете, как это выглядит?! Упаду в темных подвалах, покалечусь, и кто будет виноват?!

– Можно нести как сумку, – смеется сотрудник.

В это время в помещение заходит молодой парень в черной робе, я догадалась, что это заключенный, работающий тут (хозбанда). Обратилась к нему:

– Молодой человек, помогите, пожалуйста, донести матрас до камеры.

Видно было, что он обрадовался обращению, но посмотрел на сотрудника, спрашивая его разрешения.

– Ну, что стоишь, бери два матраса, – приказал ему сотрудник.

Парень все выданные нам принадлежности положил на матрас, скрутил его в трубочку тоненько, завязал простыней. Один закинул себе на плечи, другой под мышку.

Опять идем по лабиринтам и выходим в длинный коридор, с обеих сторон камеры. По ходу нашего передвижения по коридору открывались глазные проемы в дверях, и мужские голоса спрашивали нас: «Откуда этап?» Мы не вступали в разговор. Позже узнала, что в камерах заключенные в обязательном порядке следят за движением в коридоре, для этого дежурят поочередно возле дверей.

Нас привели в женский корпус. Расставили к дверям соседних камер. Сначала завели Аню, потом меня. Я зашла в камеру, дверь за мною захлопнулась. Прокуренная камера, освещение плохое, в середине длинный стол, за нею две смежных двухъярусных кровати, по бокам тоже кровати. В камере много женщин, и все уставились на меня. Посыпались вопросы на тувинском языке:

– Откуда этап? По какой статье? Как звать?

Я отвечаю на русском:

– Меня из ИВС привезли, обвиняюсь по 105-й.

– А че, на русском-то отвечаешь, на вид вроде бы тувинка?

– Я немного понимаю, но не умею разговаривать на тувинском языке.

Отец говорил, что на русском языке больше книг, больше информации, поэтому училась я в русском

классе. Тувинский язык в разговорной речи я знаю и разговариваю, но более глубоко не понимаю. Кроме того, каждый район имеет свой диалект языка. Если не пойму слова и неправильно скажу, может возникнуть конфликт, поэтому во избежание всего сказала, что разговариваю на русском. Хотя это тоже могло навести на неприязнь ко мне.

– Подельники есть?

– Да, есть.

Одна из заключенных женщин говорит, обращаясь к другим:

– А, это о них говорили, бывшие менты (сотрудники милиции) убили свою служанку.

– Мы никого не убивали!

– Все так говорят.

Думаю, что у меня будут проблемы: языковой барьер; бывшая сотрудница (если учесть мою 6-месячную практику в органах); социальный статус.

Они уже придумали, что служанку убили. Для них это выглядит примерно так: люди из высшего общества убили простую женщину из народа – такую как мы. Тут что-то доказывать, бесполезно, они не поверят.

Почему, собственно, я должна доказывать, объясняться? Время покажет, кто есть кто. Одна из женщин предложила:

– Давайте чифирь ставить за знакомство.

Так называют очень крепкий чай, которые пьют заключенные, особенно мужчины.

– Нет, надо дождаться Чойгану, когда проснется.

Пока я осматриваю быт камеры, по поведению других угадываю иерархию в камере. В камере пять

двухъярусных коек, четырнадцать женщин. Невероятно, как в таком маленьком пространстве живут четырнадцать женщин, со мною уже пятнадцать. Камера переполнена, куда меня положат, мой матрас все еще лежал возле дверей. Они что, по очереди спят?!

О бытовых условиях и говорить нечего. Туалет в камере огорожен стенкой высотой примерно 1,5 метра, остальная часть до потолка занавешена тряпкой. Горячей воды нет, на батареях сушится одежда, часть потолка в каплях от влаги. «Запросто можно туберкулезом заболеть», – думаю я.

Отсутствует телевизор и даже радио. Абсолютно нет никакого контакта с внешним миром.

Просыпается эта Чойгана. Женщина среднего роста, волосы ниже плеч, лицо симпатичное, в движении нет женственности, а наоборот, показное покачивание тела и небрежность, возможно, не раз отбывала

наказание. По внешнему виду возраст около сорока лет.

Вся камера садится за стол, и из одной кружки начинают по очереди пить чифирь. К кому подходит кружка, та представляется – имя, возраст, откуда родом, статья, подследственная или осужденная, делает глоток и передает дальше. Подошел мой черед, я так же представилась, женщины искренне были удивлены, что мне за сорок. Я пригубила чифирь и отказалась от предложенной сигареты, так как не курила.

– На воле где ты работала?

– Генеральным директором агентства недвижимости и туризма.

Видимо, хотели убедиться, работала ли я в милиции.

Оказывается, все попали в тюрьму в первый раз, кроме Чойганы, которая осуждена за убийство на девять лет. Возраст двадцать семь лет. Она мне тоже сделала замечание, что я не разговариваю на тувинском языке. Я говорю:

– Разве это проблема, главное я понимаю.

А значит, могу общаться с вами.

– Сегодня отдыхаешь, завтра встаешь на дорогу, девчонки научат. Арина, освободи ей кровать.

Ну вот, мне определили спальное место, на втором ярусе возле стенки, рядом с окном.

Начиналась ночная жизнь тюрьмы. На маленькой бумажке тюремными аббревиатурами пишут происшествия за день. Таким образом, извещают всю тюрьму о том, кто приходил, выходил и о поступившем этапе.

Дорога – это веревки, соединяющие камеры, по которым доставляется тюремная почта. По ночам идет активная жизнь в тюрьме, большинство в камере не спят, обычно молодые девушки «дорожницы» несут ответственность за дорогу. Ночные дежурные сотрудники не обращают на это внимания, для них это в порядке вещей.

Я за столом осталась одна, мне хотелось побыть одной и проанализировать события последних дней.

Неужели это дело рук моего бывшего любовника Динчита? По своему характеру, возможно, он способен на подлость, пользуясь своим положением, но человек он трусливый. С трудом верится, что он все это затеял.

Скорее всего, сама Костюк совершила преступление. Но зачем именно нас оговаривает? Что я знаю о ней?! Была клиентом агентства, заявку

на продажу квартиры принимала у нее я. Она продавала квартиру племянницы. Сделка состоялась, деньги получила Костюк. Но через полгода приходит ее племянница и говорит, что денег не получала. Какие претензии могут быть ко мне. Ничего не понимаю, почему она оговаривает нас. Ладно, меня и Аню она знает, но Андрея и Валеру она не знает... или знает? Надо развеяться, занять мысли в другом направлении. В это время ко мне подходит женщина из низшей касты камеры и спрашивает меня:  
– Вы можете мне написать жалобу на приговор?  
Слышу, камера притихла.  
– Не могу сказать точно, мне сначала нужно почитать приговор.

Она мне дает приговор, который написан на тувинском языке. По датам срок подачи жалобы истекает завтра, статья по грабежу, четыре года лишения свободы с отбыванием наказания в колонии общего режима.  
– Ты прочти мне приговор, а потом посмотрим.  
Она мне прочла приговор, некоторые слова мне непонятны, но, в общем, я уловила суть дела. Отметила некоторые нарушения и написала ей жалобу. Через месяц, по рассмотрению жалобы в Верховном суде, эту женщину освободили, изменив реальный срок на условное наказание.  
Видю, что в камере появился телефон. Ко мне обратилась еще одна женщина, которая содержится в тюрьме шестой месяц, завтра назначен суд по продлению срока содержания под стражей. Младшему ребенку на данный момент один год и шесть месяцев, второму ребенку четыре годика, остальные двое детей подростки. Естественно, я написала ходатайство. Не знаю, куда смотрит ее адвокат, и говорю ей:  
– Звони мужу, пусть завтра на суд приведет детей. Сам не заходит, как будто на работе. Надень в суд юбку, чтобы четырехлетнему ребенку было за что ухватиться, когда увидит тебя. Лучше будет, если младший ребенок будет плакать на руках дочери-подростка. Их не пустят в зал суда, поэтому пусть ожидают тебя на первом этаже и сопровождают до зала суда.  
На следующий день она из зала суда ушла домой, ей изменили меру пресечения на подписку о невыезде. Через несколько дней в знак благодарности она сделала мне передачу.

Мне дали телефон, чтобы я могла позвонить. И я звоню тебе дорогой мой муж, ты трубку не берешь, по времени два часа ночи. Звоню своему водителю, он взял трубку:

– Дима, доброй ночи, это я, как Саня?

– Вы откуда звоните?

– Из тюрьмы, Дима, из тюрьмы. Передай Сане, чтобы по ночам не выключал телефон. Пусть завтра ко мне придет адвокат. Сделай мне передачу, ручку, стандартные бумаги, теплый спортивный костюм и нижнее белье, пару теплых носков. Книгу, которая лежит у меня на комодке, автор Наполеон Хилл. Ну и продукты.

Чойгана почему-то у меня не вежливо спросила:

– Ты кому звонила?

– Водителю

Я не привыкла к тому, чтобы незнакомые люди разговаривали со мною на ты и интересовались, кому я звонила. Я ведь старше ее. Даже мои дети ко мне и к моим родителям обращаются на вы. Чойгана начинает меня раздражать, мне это не нравится.

Молодая девочка из камеры меня спросила:

– У вас есть водитель?

– Да, – из вежливости ответила я. Видно, что девочка воспитана правильно, как полагается в тувинской семье, уважительное отношение к старшим.

Уже глубокая ночь, нужно ложиться спать, чтоб организм отдохнул. Неизвестно, что завтра меня ожидает. Залезла на свою койку и посмотрела из окна на улицу. Камера находится на втором этаже женского корпуса. А, напротив, на расстоянии примерно 300 метров, трехэтажный мужской корпус. Из третьего этажа мужского корпуса по ночам камера женщин видна как на ладони. В зарешеченных окнах в противоположном корпусе были видны черные движущиеся силуэты. Это было похоже на черных существ, помещенных в клетки. Из окон камер вдоль, вниз, вверх, в соседние корпуса и в женский корпус тянулись веревки. Лунный свет падал на веревки, и мне представилось, как огромная паутина овивает тюрьму. Не хочу, не хочу видеть это, я подняла глаза на небо. Была красивая безоблачная, звездная ночь.

Окна постоянно открываются из-за дороги, поэтому холодно. Я сама по себе мерзлячка, предрасположена

к простудным заболеваниям. Накрылась одеялом,

сверху шубой и заснула.

Утром следующего дня перед проверкой мне вручают две трубки завернутых бумаг. Я спрашиваю:

– Что это?

– Это приговоры, просят по ним написать жалобы.

Надо развязать и положить к себе, а то при обыске заберут. На дороге не будешь стоять, твоя задача писать жалобы, – сказала мне Чойгана. Так началась моя жизнь в тюрьме.

Как я теперь жалею, что была увлечена работой, учебой, собой. Простите меня, дорогие мои дети, родители, муж, что так мало уделяла вам внимания. Тюрьма – это жестокий мир на выживание, интриги со всех сторон. Буквально все, направленно для того чтобы сломить и унижить человека. Тут совсем другой слой населения, которым не понять и не объяснить всю суть ужасного обвинения, как и мне не понять других. У каждого своя боль.

Сегодня уже пятнадцатое декабря. Знаю со слов дочери, что у тебя случился инсульт, а через неделю отказали ноги. Моей дочке пришлось оформить академический отпуск. Вся забота о тебе, о моих родителях навалилась на нее, бедная моя девочка. Ой, как больно на сердце, вдохнуть невозможно, сердце разрывается. Не могу дышать. Так... спокойно.. надо жить.. надо дышать.. дышать. Напротив меня сидит женщина, мысленно прошу, чтобы она обернулась на меня, и она обернулась.

– Что с вами, вы вся бледная. Сейчас принесу воды.

Мысленно повторяю: дыши, дыши, все хорошо. Папа дорогой мой, помоги мне. Что это было, приступ?! Ты же знаешь, что у меня с рождения слабое сердце. У меня такой боли никогда не было. Через год врач-кардиолог мне сказала, что я пережила микроинфаркт.

.....  
Это была моя первая интуитивная практика, лечения мыслью. Сколько интересного и полезного

через пережитые страдания, мне предстояло узнать на этом этапе жизни.

.....  
В первое время в тюрьме я с внутренним осуждением относилась к заключенным за совершенные ими преступления. Считала, что мы сюда случайно «забредли», скоро разберутся и отпустят, все-таки не в Сталинские годы живем. Заключенные в репрессии, наверное, думали так же. Не верится, что все это беззаконие творится в современной

демократической России, вернее, в Республике, входящей в состав России.

Благодаря юридическому образованию, я и Аня, помогали другим по следствию и по обжалованию приговора, некоторым сбавляли срок. Реальная профессиональность следователей и судей падает. Конечно, намного легче выбить явку с повинной и сфабриковать доказательство. А начальство прикроет, так как улучшается статистика раскрываемости. Изучая приговора и действия следствия, я познавала неведомый для меня жизнь другого слоя населения. Познала всю гниль и наглость правоохранительных органов, которые пользуются юридической безграмотностью человека, чтобы поднять раскрываемость преступлений и получить повышение за удачно раскрытое дело по более тяжкому преступлению. Простите, не говорю за всех.

Через месяц, нас стали кормить тухлой рыбой, а вместо хлеба давать испорченное армейское печенье, батареи были еле теплыми. Спасались передачами из дома, но этого было очень мало, так как большая часть заключенных нищие. Как обычно, уголовные преступления в основном совершаются нижшим слоем населения. Верхнюю одежду не снимали, так и ложились спать в обуви, на одной кровати по два человека, чтобы согревать друг друга. Теперь у нас в камере появились три психически больных женщины. Оля прибыла из суда, осудили на лечебный срок. Эта молодая красивая девушка

заколола подругу, с которой жила в одной комнате в интернате нервнобольных.

Таня и Света пришли по тусовке (это когда выгоняют из других камер). Они не имеют подтверждения о психическом заболевании. Таня подследственная – до полусмерти избила пьяного соседа, который неоднократно приставал к ней. Свету осудили на пятнадцать лет – зарезала двух спящих подруг, которые издевались над нею. Психологическая экспертиза из-за отсутствия данных в картотеке психически больных признала их вменяемыми. Я по собственной воле занималась их делами. Выяснила, что двое относятся к категории больных, которые один раз в год должны были самостоятельно посещать психиатрическую больницу и пройти стационарное лечение. Если такие больные не приезжали в больницу в течение года, их снимали с учета психически больных, а амбулаторные карты направлялись в архив.

По моему (Таниному) ходатайству следователь запросил из архива районной больницы амбулаторную карту. После получения подтверждения психической болезни ее отправили на лечение.

Свету, по не профессиональности или халатности следствия и суда осудили на реальный срок с отбыванием наказания в колонии общего режима. Там Света окончательно сойдет с ума и умрет.

Постоянные ссоры с этими больными напрягают психологическую атмосферу в камере. Как-то ночью Ольга накинулась на Таню, потом стала головой биться о пол. Пришлось ее полностью связать и продержат так до утра. Сотрудники не обращают внимания, сами просят, чтобы мы успокоили их. Однажды в пять часов утра проснулась от удара железа об мою койку, открываю глаза, и происходит стоп-кадр. Смех и горе. Света стоит с поднятой рукой, а в руке железная кружка. Она со страхом виновато смотрит на меня. С другой стороны стоит Таня, согнувшись с поднятой рукой над головой. По всей видимости, Света размахнулась ударить кружкой, а Таня хотела защититься от удара. Я

показываю им указательный палец, в знак того, чтобы успокоились, что я устала и мне нужно поспать, и они успокоились. Ко мне они относились дружелюбно.

Думаю, не дай Бог, в камере произойдет убийство. Обычно по утренней баланде дорожницы закрывают дороги, а дежурные по камере просыпаются. Этих больных женщин нельзя оставлять без присмотра. Таня агрессивна по сравнению с другими.

.....  
Согласна тесту Наполеона Хилл в книге «Думай и богатей» моя миссия заключается в помощи людям. Уверена, что в любом человеке есть это предназначение, только в разной степени. Любая деятельность человека должна идти во благо человека, хотя бы потому, что все в нашем мире взаимосвязано, иначе жизнь на земле не существовало бы.

### ТЮРЕМНАЯ ЖИЗНЬ

Находясь в тюрьме, я узнала, что преступный мир в Республике достаточно организован и даже контролирует некоторую часть экономики. С администрацией тюрьмы живут очень даже дружно. Уголовники следят за порядком, финансируют благоустройство, а администрация разрешает ночью

катать дороги и пользоваться телефонами. За каждой камерой закреплялся один телефон. Я была удивлена тому, что на телефон часто звонили осужденные мужчины, отбывающие срок наказания в колониях России. Ну, что сказать, молодцы и большое спасибо преступному миру, что я имела возможность общаться с родными. Кроме того, существует воровской общаг. Из общака в обязательном порядке снабжают женщин на этап в колонию. Обеспечивают детей, родившихся в тюрьме. При мне было три случая, когда женщины рожали

и содержались в тюрьме с детьми. Одна из них уехала с ребенком в колонию.

В тюрьме я нахожусь уже третий месяц. Дежурный сотрудник по коридору постучал в дверь и заглянул в глазок:

– Кама, собирайтесь на следствие.

– Подождите, я оденусь.

Даже находясь в тюрьме, старалась следить за собой, одеваться соответствующе моему статусу. Кроме того, не хочу перед следователями выглядеть подавленной, разбитой. Я надела черное шерстяное платье с короткими рукавами, чуть ниже колен. Ворот и нижняя часть платья была в пестром узоре. Одно из любимых моих платьев. Она облегает мою красивую фигуру. Надеваю капроновые колготки телесного света и ботильоны, передняя часть из черной лайки, середина из темно-сиреневой кожи, задняя часть также из лайки и с кожаным черным бантом. Длина моих волос была до локтя, поэтому могла себе позволить сделать на резинке конский хвост и заправить как шишку. Взяла папку с бумагами и постучалась в дверь. Сотрудники тюрьмы ко мне и к Ане всегда относились уважительно и корректно, как и мы к ним.

– Я готова.

Дежурный с сопровождающим ожидали меня за дверью. Я слышала, что Аню тоже заказали, поэтому, выйдя из камеры, в ожидании встала лицом к стене.

– Подождите, – сказал дежурный и, подходя к соседней камере, спросил:

– Вы готовы?

– Да.

Из камеры выходит Аня. Она ростом чуть выше меня, по телосложению как я. На ней серая шерстяная водолазка и темно-серые, наглаженные в стрелку классические брюки. Волнистые густые волосы

с короткой прической. Густые ресницы и брови, глаза с открытым разрезом, прямой нос и аккуратные губы. Мы поздоровались, и я говорю:

– У меня завтра суд по рассмотрению моей жалобы на бездействие следствия.

– Я в генеральную прокуратуру написала жалобу. Наконец-то какие-то действия пошли, если вызывают. Мы с ней разговаривали по ходу передвижения.

Когда подошли к решетке большого коридора, то увидели, что он заполнен заключенными мужчинами. Сегодня был этапный день в местную колонию. Увидев нас, сотрудники тюрьмы стали кричать заключенным:

– Посторониться, лицом к стене, руки за голову, сесть на корты.

Середина коридора освободилось, чтобы мы могли пройти. Где еще увидишь такую картину, когда красивые женщины идут по длинному коридору, а толпа осужденных уголовников сидят на корточках, открывая им дорогу. Я немного сбавила шаг, думаю, пусть хотя бы порадуют свои глаза, возбудят свое воображение.

На первом этаже все боксы оказались занятыми, и нас оставили стоять в общем коридоре у стены. В это время двое следователей, девушка и мужчина, также находились в коридоре в ожидании освобождения следственного кабинета. Мы с Аней разговаривали на русском. Видимо, эти двое следователей подумали, что мы на тувинском языке вообще не понимаем.

Мужчина, с интересом рассматривая нас, сказал:

– Все говорят, что женщины этого уголовного дела городские, умны и красивы. Да, действительно, они хороши, и не скажешь, что убийство совершили.

У молодой женщины лицо покраснело от слов коллеги.

– Им в камере делать нечего, вот и красуются, они же не работают, как я.

Мужчина недоуменно посмотрел на нее, пока она осматривала нас, и отстранился. У девушки лицо симпатичное, но телосложение запущено, требует спортивных упражнений, особенно в части живота. Национальная черта основной массы тувинских женщин моего возраста – это низкая попа и полный живот.

Позднее поколение, особенно нынешние молодые девушки, красивы во всем.

Молодой следователь Охемчик хотел без присутствия адвокатов ознакомить нас с заключением экспертизы и с протоколом опознания. В заключении

было указано, что форма черепа относится к европеоидной расе. Согласно протоколу опознания, труп по фотографии опознавала мать убитой. Фамилия матери убитой была тувинская. Соответственно, мы отказались от ознакомления без адвокатов. Нужно было опротестовать эти документы.

Андрей, откуда то, узнал, что у Павловой тувинское имя, и внешностью она относилась к монголоидной расе. Была пьяницей, без определенного места жительства.

Опознание по фотографиям является незаконным. Если верить этим документам, труп принадлежит русской женщине. Мать Павловой реальный труп не опознавала. Наконец-то сейчас они поймут, что мы невиновны. Нужно немедленно обжаловать эти материалы, и можно уже собираться домой.

Возвращаясь в камеру, с дальнего коридора мы слышим бешеный крик Тани. Аня говорит:

– Опять у вас Таня бушует.

В коридоре женского корпуса ее слова слышны более отчетливо.

– Я вас убью, всех вас зарежу ночью!

Я спрашиваю у дежурного коридора:

– Что случилось, они подрались?

– Как обычно, когда вас не бывает в камере.

На этот раз они переборщили.

– Так..., я в камеру не зайду. Приведите мне оперативника или начальника тюрьмы.

Через некоторое время приходит оперативник, Николаевич. Он среднего роста, упитанный, несимпатичный, но достаточно отзывчивый человек, я ему говорю:

– Николаевич, вы хотите, чтобы в камере было совершено преступление?!

– Какое преступление?

– В камере три психически больных женщин. Нервы у других уже на пределе, убьют друг друга. Вы хотя бы Таню пересадите в другую камеру.

– Вы же знаете, другие камеры ее выкинули, одиночные карцеры заняты. Завтра этап в колонию, одну из них заберут.

В это время из камеры опять послышались крики, больше всех кричала Таня.

– Пока ее не переведете, я в камеру не зайду, или же мы все объявим голодовку. Почему только наша камера должна терпеть больных женщин в таком количестве?!

Недавно камеры распределили по категориям

преступлений. Женских камер было всего шесть, две из них по особо тяжким преступлениям. Так как у Тани тяжкая статья, выбор был только в двух камерах.

Мы вместе зашли в камеру. Женщины, увидев оперативника, притихли. Николаевич сделал суровое лицо и спросил:

– Что тут происходит, кто тут из вас самая крикливая?

Женщины молча, указали на Таню.

– Пойдем, поговорим.

Оперативник увел Таню. Я обратилась к сокамерницам:

– Быстро соберите ей вещи, Таню переводят.

Света, если ты будешь плохо вести себя, пойдешь в карцер, как Таня, а там темно и холодно, — обманула я.

Таню перевели в другую камеру, а на следующий день Ольгу увезли в колонию. Наконец-то в камере стало спокойно, Света успокоилась в отсутствие Тани.

Как-то вечером услышали гортанный и протяжный женский голос – «Мужика хочу-у-у».

Такое впечатление, что она кричит из под земли.

Оказывается, в больничной камере появилась осужденная женщина. У нее была белая горячка, осуждена за убийство сожителя, которого застала

с любовницей. Она кричала почти каждый вечер. Судя по ее голосу и преступлению, я представляла женщину с большой грудью, с сексуальными очертаниями тела.

Начало марта, нам еще на два месяца продлили арест. На улице и в подвальном помещении суда, где содержат заключенных, прохладно, поэтому надеваю утепленное кожаное пальто ниже колен, как мое платье, воротник и рукава в меху чернобурки.

Из обуви надела узкие, до колен сапожки на каблучках.

В коридоре мимо меня конвой проводит женщину-карлика с короткими руками, с некрасивым лицом.

На ней было цветастое платье, а на голове белая вязаная шляпа. Я с изумлением проследила глазами и увидела, что ее завели на больничный коридор.

– Эта та женщина, которая по ночам кричит? — спросила я у сопровождающего сотрудника.

– Да, это она.

У меня такое предчувствие, что ее заведут в нашу камеру, и действительно, вернувшись из суда, вижу ее в камере.

А пока меня ведут к выходу, где другие заключенные ожидают посадки в машину. В коридоре в ожидании стоит группа заключенных, мужчин и женщин русской национальности. Одеты достаточно прилично. Один из мужчин до неприличия впился в меня взглядом. Я сделала вид, что не замечаю. В подвальной камере суда познакомилась с этими женщинами и узнала, что все они подельники по перевозке и продаже героина. Татьяна и Наташа наркоманки со стажем и рецидивистки. Тимур тоже наркоман, сын богатых родителей, в тюрьме в первый раз. Александр, рецидивист, криминальный авторитет, это он поглощал меня взглядом. Через неделю я с ним познакомлюсь по переписке.

.....  
Человек по своей природе как разумное существо, в любой среде адаптируется и выживет. Только вот сохранит ли он прежние привилегии в незнакомой

среде? Возможно, это зависит от качества личности. Одно лишь хочу сказать, что я как будто по новому, познавала себя и окружающую среду. Человеческая психика направлена на выживание в том мире, где этот человек находится. Несколько месяцев назад, я входила в камеру с некоторым страхом перед неизвестностью. Думала, что будет очень трудно выжить. А теперь по тюремным меркам устроилась не плохо, если учесть, что не всегда ладила с криминальным миром и с администрацией тюрьмы.

#### ЖЕСТОКИЕ ДЕЙСТВИЯ СЛЕДСТВИЯ

Мы все еще находимся в тюрьме, никаких следственных действий не проводится, если не считать одного вызова по ознакомлению с экспертизой. Как я уже писала, нам нагло продлили срок содержания еще на два месяца. Следователь Охемчик представил в суд ходатайство о продлении срока содержания под стражей с дополнительными показаниями лжесвидетеля

Костюк. На этот раз она дает показания о том, что после совершенного нами убийства мы якобы пригрозили ей расправой, если она кому-либо расскажет об убийстве. В течение двух лет она молчала из-за боязни расправы, но совесть замучила, и решила раскрыть убийц правоохранительным органам.

Я от возмущения не сдержалась.

– Какой абсурд, вы сами в это верите? – обратилась я к следователю. Валера добавил:

– А потом на два года забыли угрожать ей. Так, по-вашему, получается?!

Охемчик не смотрел на нас, создал видимость, что что-то ищет в бумагах. В это время в зал суда вошел Сынаа, другой следователь по нашему делу. В руках у него были бумаги. Сынаа попросил разрешения у суда и огласил ходатайство:

– Прошу приобщить к материалам суда о продлении срока содержания под стражей обвиняемых, постановление МВД Республики о применении в отношении свидетеля Костюк программы о защите свидетеля, в котором указано заявление свидетеля о просьбе защитить ее от обвиняемых, которые, даже находясь в заключении, могут заказать ее убийство. От услышанного меня как током ударило. Это говорило о том, что в ходе предварительного следствия нас не хотят отпускать, нас вообще не собираются оправдывать. Суд, как обычно, пошел на поводу у следствия. Продлил нам арест на шесть месяцев. Нашему возмущению нет предела, неужели они верят показаниям этом лживой «с...и»?

Мы, наши родные, наши дети не прекращали писать жалобы во все концы. Дети через социальные сети обращались даже в адрес президента России. Генеральная прокуратура России наши жалобы для

проверки отсылала в прокуратуру Республики. Наконец-то помощник прокурора Республики Бамаев (фамилия изменена) признал протокол опознания и заключения экспертизы осмотра трупа незаконным. Назначили новую экспертизу об установлении расовой принадлежности трупа. То есть других доказательств, кроме пустых показаний Костюк, у следствия не было.

Труп не опознан, экспертиза ошиблась с расовой принадлежностью трупа. Согласно экспертизе смерть наступила в феврале 2007 года, а не в мае. Не следствие, а мы доказывали свою невиновность через обжалования в суде и Республиканской прокуратуре. Забегая вперед, скажу вам, что на этом справедливое рассмотрение наших жалоб закончилось.

После вынесения формального решения суда первой инстанции о продлении срока содержания под стражей следователи начали активные действия из-за опасения, что Верховный суд отменит решение суда. В эту же ночь мне позвонила Аня и сквозь слезы говорит:

– Они из школы забрали моего сына и продержали его в прокуратуре четыре часа. Следователь Сынаа

говорил сыну, что он вместе со своим другом угрожал Костюк расправой, если она не заберет заявление. У мамы давление, она отказалась от госпитализации, боится оставлять внука одного.

– Аня, мне становится страшно. Я до дочери не могу дозвониться.

После звонка Ани со слезами на глазах опять и опять звоню мужу и дочери. Телефон дочери отключился.

Наконец-то Александр ответил:

– Дочка мой телефон оставила на кухне. Еле дополз. Ее уже второй час нет дома. Она не могла надолго покинуть меня. Чувствую, что-то случилось.

– Нам сегодня продлили арест на шесть месяцев.

Аниного сына забрали из школы и допрашивали, как будто он вместе с другом угрожал Костюк. Я боюсь за дочку, срочно звони адвокату, пусть ищет ее.

– Подожди, вот они заходят. Поговори с мамой. Что случилось? – обратился он к Владимиру, и они заговорили. Дочка стала меня успокаивать, но в ее голосе слышу страх.

– Мама, все нормально.

– Ну как все нормально, что случилось, дочка?

– К дому подъехала милицмейская машина. Я вышла, у меня спросили про дядю Саню. Я им сказала, что он не может ходить. Сотрудники милиции, молодой мужчина и девушка, стали разговаривать между собой на тувинском языке. Девушка сказала, что дома собака, и она не пойдет в дом. Потом спросила меня, кто я такая? Я сказала, что ваша дочка. Сотрудница предложила мне сесть в машину, так как на улице холодно. Ничего не подозревая, я села в машину. А они меня повезли в городской отдел милиции. По дороге я скинула СМС вашему адвокату. В кабинете девушка мне показала газету «Центр Азии». Мама, там написано, что задержаны двое мужчин и женщин, которые причастны к убийству Павловой. Дают признательные показания. Я им сказала, что это неправда.

Доченька моя заплакала, я понимала, что творится у нее в мыслях и на душе. Все ее представления о государстве, о справедливости разрушались. А ей жить, да, жить в этом государстве. После пережитого ей сложно будет продолжить учебу на юридическом факультете. Еле сдерживая слезы, дочка стала рассказывать дальше.

– Следователь мужчина у меня спрашивал, что вы говорили мне об этом убийстве. Потом девушка на тувинском языке предложила мужчине, что нужно меня

напугать, сказать, что закроют меня в тюрьму за

соучастие и сообщат в университет. Я не выдержала и сказала им, что они не имеют права и что я сообщила адвокату. Видимо, они думали, что я не понимаю тувинского языка. Потом дядя Володя забрал меня. Господи, что пережила моя доченька. Я все перетерплю, всё переживу, лишь бы моих детей, моих близких не трогали.

– Доченька, миленькая моя, любимая, я никого не убивала. Пожалуйста, верь мне. Мне это очень важно, вся моя сила в вашей вере в мою невиновность. Я люблю вас очень сильно. Все будет хорошо. Очень хорошо, что ты написала адвокату. Пожалуйста, без Дика не выходи на улицу. Доченька передай трубку адвокату.

Я рассказала Владимиру о том, что допрашивали двенадцатилетнего сына Ани. Просила быть днем и ночью на связи.

Это были невероятно наглые, незаконные действия. Казалось, что они реально уверены, что мы виноваты, несмотря на отсутствие доказательств показаний Костюк. За все это время я в первый раз серьезно задалась вопросом, что, возможно, кто-то стоит за нею. Кто-то из органов. Но за что?

Динчит? Человек хлипкий, трусливый. Я задела его мужское достоинство, честолюбие. Но при чем тут Чимиты? Нет, все-таки не он, возможности не те. Заинтересованность в захвате моей, 327 гектаров, земли? Эти земли когда-то принадлежали моему деду, поэтому никаких претендентов и споров не было.

Опять, при чем тут Чимиты?

Если заинтересованность в Чимитах, то при чем тут я?

Все незаконные действия следствия указывали на то, что за спиной Костючки кто-то стоит. И этот кто-то имеет власть.

В эту ночь от сердечного приступа умерла мать Ани. Не каждый переживет такое – арестовали дочку, зятя, сына – отца многодетной семьи. Больной муж один не справляется с большим фермерским хозяйством. Мало того, что ее детей ложно обвиняют в убийстве, следствие покушается на внука. Ей, как бывшему юристу правительства, известны беспредельные возможности власти.

Как вы знаете, у нас в семье также было нелегко. Мама была парализована с 2003 года. После моего ареста ее состояние здоровья ухудшилось. У папы,

постоянные перепады давления отразились на зрении, он стал плохо видеть. У мужа случился инсульт, отчего отказали ноги. Дочке пришлось бросить учебу и осуществлять уход за ним и помогать моим родителям.

Откуда искать ответ: кто? зачем? как защититься? Когда читаешь приговоры других, там все понятно, человек совершил реальное преступление, знает, как защитить себя, знает, что говорить. А в нашем случае больше вопросов. Мы не знаем, с чем столкнулись, кто за этим стоит.

У меня опять суд, на незаконные действия следствия, по поводу неознакомления с постановлением о назначении повторных экспертиз. Таким образом, они лишили меня возможности поставить эксперту дополнительные вопросы по проведению назначенной повторной экспертизы.

Сажу в камере подвального помещения суда. На мне шерстяная тонкая водолазка черного цвета, расклешенная юбка светло-серого цвета чуть ниже колен и черные длинные сапоги.

Из камеры, где я сижу, видно часы в кабинете судебного конвоя. Часы показывают без пяти минут десять. В это время зазвонил телефон в кабинете, я поняла, что вызывают меня. Сотрудник, прослушав звонок, обратился ко мне:

– Кама, выходим.

Поднимаюсь по лестнице суда на второй этаж, в кабинет судьи Кунгаа (фамилия изменена). Одна моя рука в наручниках, другая часть наручника надета на руку судебного конвоя. В коридорах достаточно людей, которые изумленно смотрят на меня. Мой внешний вид никак не соответствовал наручникам на руках. В кабинете судья обратился к конвою:

– Снимите наручники.

После оглашения положительного решения суда неожиданно судья обратился ко мне с неформальным вопросом:

– Мне интересно ваше место рождения, очень редкое название, как и у меня. У вас кто там проживал?

– Это земля моего деда по отцовской линии.

Он пристально посмотрел на меня и сказал:

– Мне вас жаль, вы не с теми и не в то время связались.

В этих словах я нашла ответ на свои вопросы.

Значит, я правильно мыслила, за спиной Костюк стоит заказчик, даже страшно произносить это слово. Нужно после похорон поговорить с Аней. Мне никак не

хотелось верить, что дело заказное, возможно ли такое в реальной жизни? Я не чувствую за собой, ничего плохого, чтобы меня заказали в тюрьму. Может быть, слова судьи я не так поняла?

В камере стало спокойнее, женщина-карлик, как и Света, оказалась более спокойной. Сегодня надо пораньше ложиться спать, чтобы завтра полностью заняться приговорами, за последние дни накопилось. При поступлении приговоров от осужденных я отмечала в календаре срок подачи жалобы, поэтому я могла себе позволить сегодняшней отдых.

Утром, с приходом завтрака, меня заказали с вещами, это означало, что меня заказали на этап. Я была удивлена, но мысли работали быстро и слаженно. Почему-то я сразу подумала о том, что меня хотят незаконно вывезти из тюрьмы, куда? Я обратилась к сокамерницам:

– Сегодня этап, в какой район?

– В Каа-Хемский, – ответили мне.

Согласно Уголовно-процессуальному кодексу, существует территориальность следственных действий. Уголовное дело по нашему обвинению к Каа-Хемскому району не относилось. Я срочно начала писать жалобу в адрес начальника тюрьмы, что нарушается территориальность следственных действий, а это означает, что меня хотят вывезти за пределы для выбивания явки с повинной. Если администрация тюрьмы даст разрешение на мой вывоз, это будет нарушением закона. Отказалась выходить из камеры и просила администрацию защитить меня от незаконных действий следствия. Написав жалобу, я постучалась в дверь и передала бумагу дежурному коридора. Затем надела спортивный костюм, кроссовки и стала ожидать дальнейших действий. В это время в нашу стенку постучались из соседней камеры, где содержалась Аня. Соканерница с верхнего яруса кровати, открыв окно, спросила:

– Что стучали?

– Кама позови.

Аня звала меня. Я залезла на второй ярус и подала голос:

– Никуда не выходи, они хотят выбить явку.

– Я это уже поняла. Не хочу верить в происходящее, Ань.

– Тем не менее, это происходит.

– Вечером надо будет поговорить.

– Хорошо. Постарайся не выходить из камеры, —

повторила она.

На днях женщины рассказывали, как в ИВС этого района женщина покончила собой, повесилась. Когда родственники забрали ее из морга, у покойной на теле были следы избиения, а на руках глубокие раны от наручников. Видимо, они вешали ее на батарее в наручниках. Я неоднократно слышала о таком методе от заключенных мужчин. Возможно, поэтому я быстро догадалась и написала жалобу. Слышу, в коридоре зазвонил телефон, дежурный поднял трубку, поговорил и подошел к камере. Открыв дверной глазок, спросил: – Вы действительно отказываетесь выходить из камеры?

– Да, я обо всем написала в жалобе, – ответила я.

Через некоторое время дверь в камеру открылась и зашла режимница женского корпуса. Обвела всех взглядом, кому-то сделала замечание. Посмотрев на меня, сказала:

– Пойдемте, поговорим.

Она была среднего роста, среднего телосложения, ухоженная. Заключенные женщины боялись ее, она могла накричать, даже ударить, но за всем этим скрывался хорошей души человек. Никто из женщин не уходил в колонию с нарушениями. Она сама приносила мне и Ане приговоры женщин и просила обжаловать. Бывало когда мы втроем, я, Аня и режимница, задерживались в боксе пообщаться. Мы с Аней давали ей рекомендации о той или иной женщине, которую можно было оставить для хозяйственных работ в тюрьме.

Не поверить ей я не могла. Она была в курсе всех наших дел и жалела нас. По дороге я рассказала о действиях следствия за последние два дня.

– Начальник оперативной части велел тебя привести. Хорошо, что он сегодня на дежурстве, это он отказал им в вывозе тебя. Ты расскажи ему обстоятельства. Мы поднялись на второй этаж административного здания. Режимница завела меня в кабинет, а сама ушла.

За столом сидел мужчина плотного телосложения, по видимости высокий, седые, аккуратно постриженные волосы. От него пахло дорогим порфюмом и хорошими сигаретами.

– Присаживайтесь. Вы понимаете, что не имеете права отказываться от этапирования? Сотрудники имеют право насильно вывести вас из камеры.

Я молчу, думаю, пусть выговорится, покажет, что он тут хозяин. Мое молчание ему понравилось, кажется,

мы поняли друг друга.

– Я в курсе вашего дела. Следствие иногда перегибает свои возможности, за всем этим следить надо. Надеюсь, со временем во всем разберутся. Как ваш муж Александр поживает?

– У него случился инсульт после моего ареста.

Теперь вот лежит.

– Даа, не каждый переживет арест жены.

Я ему рассказала о действиях следствия. На этом мы расстались, я ему пообещала, что непременно буду обращаться к нему в случае чего. Даже не спросила у него, откуда он знает мужа. Если не говорит, значит, так надо. Больше я с ним не виделась, так как он через три месяца ушел на заслуженный отдых. Все-таки хорошие люди в этой системе есть. Обычно в понедельник в тюрьме этапы в нескольких направлениях. Андрей и Валера были в курсе, что меня в субботу пытались вывезти в ИВС Каа-Хемского района. В понедельник их и Аню заказали на этап. Было неизвестно, в ИВС города или куда-либо в другом направлении, то есть, нас по закону имели право вывезти только в ИВС города. Они ничего не предпринимали, просто ожидали дальнейших действий. По неизвестным причинам их не вывели из камеры, возможно, повлиял начальник оперативной части. Позже от заключенных нам стало известно, что Андрея хотели вывезти в ИВС Барумского района, Валеру в город Шагонар, а Аню в городской ИВС. Подговаривали заключенных оказать на Андрея и Валеру физическое давление.

.....  
Резкий поворот жизни, пережитые нервные потрясения привели к активации интуиции. В обыденной благополучной жизни, мы больше всего полагаемся на разум, у нас все запланировано и разложено по полочкам. Все внимание направлено на материальное обеспечение комфортной жизни.

В моем случае, резкая перемена жизни и переживаемые нервные потрясения привели к активации интуиции, которая слаженно работала с разумом. К сожалению, не всегда. Для того, чтобы сознание и подсознание гармонировали с собой, важно принять свое внутреннее «Я». Жизнь привела меня к ней через испытания. Все что происходила, со мною способствовала так сказать вынужденному раскрытию внутреннего «Я»

Я постоянно находилась в психологическом напряжении. Как вести себя, что предпринять в этой ситуации, как защитить родных людей, когда ты не в

состоянии защитить даже себя.

Только через несколько лет я узнала, что можно влиять на энергетическое пространство простыми фразами. Если даже ситуация не возможно изменить, то есть возможность смягчить создавшееся положение в пользу себя.

В своих книгах Джо Витали (автор бестселлеров о достижении целей) рассказывал о психиатре

Ихалиакалы Хью Лин, который вылечил целое отделение преступников, находящихся в психиатрической больнице, без их осмотра. Он лишь повторял четыре фразы «Я люблю тебя», « Мне очень жаль», « Пожалуйста, прости меня» и « Я благодарю тебя».

### СВЕТА

В воскресенье в камере состоялась общее собрание по поводу поведения Светы.

Света была старше меня на пять лет. По лицу видно, что она в молодости была красивой женщиной, выше среднего роста, в меру упитанная. У нее в тюрьме много поклонников по переписке. Ей приходили груза с конфетками, которыми она угощала сокамерниц, ее снабжали бумагой и ручкой.

Я никогда не интересовалась, кто с кем переписывается, о чем переписываются, я от этого была далека. Мое занятие – это мои и чужие следственные действия, суды, приговора. Иногда старалась читать художественную книгу, чтобы разгрузить мозг. От ручной стирки одежды у меня моментально появлялись мозоли, поэтому со стиркой мне помогала Света.

Так вот, сокамерницы раскрыли ее мульку (так называется письмо) к молодому парню. Одна из сокамерниц стала читать вслух содержание письма на тувинском языке. Я с некоторых слов поняла, что это была сексуальное письмо, с подробным описанием Светкиной мастурбации под одеялом, в туалете. Также она описывала, свое желание сделать ему минет. Вижу, что сокамерницы слушают, молча, наверное, каждая в мыслях воделели своих мужчин. Так устроена природа человеческого организма. После окончания письма началось осуждение Светы, каждая высказывала свое:

- Ты взрослая женщина, как ты можешь писать такое? Этот мужчина на всю камеру читает твои письма. Что они подумают о нашей камере?
- Нужно запретить ей переписываться.

– У тебя сын сидит в колонии, слухи дойдут до него, как тебе не стыдно, Света!

– Кама, что вы об этом думаете?

Обычно в каждой камере имеется женщина, которая несет ответственность за происходящее в камере. Такого человека назначали криминальные авторитеты тюрьмы. Кто бы ни находился на этом посту, сокамерницы всегда прислушивались к моему мнению.

– Честно говоря, мне стыдно, что я участвую в чтении личного письма чужого человека. Не важно, что она там пишет, важно то, что она не давала согласия, чтобы ее письмо читали на публику. Не думаю, что это также приветствуется по понятиям тюрьмы. Я не знаю, что вас побудило раскрыть чужое письмо. Во-вторых, я думаю, что Света своими письмами доставляет удовольствие природным потребностям мужчин, которые сидят тут годами и неизвестно, сколько еще не будут видеть женщин. Если кто-то из мужчин пожаловался вам на нее, значит, он не мужчина. Это лично мое мнение, которое я вам не навязываю. Ваше дело, какое решение вы примете по тюремным понятиям. В-третьих, мне кажется, нужно услышать Свету, что она скажет. Мой менталитет мышления отличался от них, а может быть, и нет. Я ведь всего лишь сказала вслух, что может чувствовать любой человек.

Света, стоявшая виновато склонив голову, услышав меня, приободрилась. Она достаточно хорошо понимала русский язык, так как в молодости жила и работала в Красноярске.

Сокамерницы успокоились и обратились к Свете:

– Ну, что скажешь, Света, что с тобой делать?

– Я прошу не запрещать мне переписываться, я больше не буду писать такие письма.

– В наказание три дня не будешь переписываться, подумай над своим поведением.

Вот такое необдуманное решение приняла смотрящая за камерой Сояна, рецидивистка, моя землячка и неплохой человек.

– Ее поклонники поднимут вопрос, почему ей запрещают переписываться, воспримут это как ущемление. Возможно, она не со всеми вела сексуальную переписку. Ты же не будешь говорить всем, по какой причине запретила ей переписку — Сказала я Сояне, она махнула рукой на Свету и сказала ей:

– Света, я очень надеюсь, что ты сдержишь свое слово. Прежде всего, подумай о своем сыне, как ему

стыдно будет за тебя.

Говорят, у психически больных людей сексуальная потребность более повышена, чем у нормальных. Если так, то вряд ли она перестанет писать такие письма, может быть, это успокаивает ее психику.

#### ЧЕЛОВЕК ПРЕДПОЛАГАЕТ, БОГ РАСПОЛОГАЕТ.

Сегодня нас ознакомили с заключением повторной экспертизы, в котором было указано, что на этот раз экспертизу по осмотру черепа предполагаемого трупа Павловой провел более опытный эксперт. Эксперт указал, что смерть наступила предположительно в мае. Форма черепа указывает на принадлежность к монголоидной расе.

Экспертизу подогнали в интересах следствия. Они исправляли допущенные ошибки с помощью наших жалоб. С одной стороны, это было хорошо для последующего

нашего представления о сфабрикованности уголовного дела. С другой стороны, стало жутко от масштабов незаконных действий. Все указывало на то, что заказчик – человек из правоохранительных органов.

На ознакомление нас также вызвали вместе. На обратном пути нас закрыли в бокс для ожидания сопроводительного конвоя до камеры.

– Аня, у меня давно образовалось такое чувство, что за Костюк кто-то стоит. Откуда ты знакома с Костюк?

– В 90-х годах мы втроем, я, Андрей и Валера, сидели тут. Нас осудили за убийство.

Как я уже писала ранее, Аня, перед тем как поступить ко мне на работу, известила меня, что отбывала срок наказания. Я не стала интересоваться, за что она сидела. Мне достаточно была ее смелой честности, и я приняла ее на работу с свободным графиком. Семья Ани имела фазенду в сто пятьдесят гектаров, где содержали большое хозяйство.

– Я в те годы работала прокурором, Андрей работал в ГАИ, а Валера оперативником. Кстати, Валера однокурсник Динчита, между ними произошла ссора, я уже не помню какая.

«Все в этом мире взаимосвязано» повторяла я мысленно.

– В выходные дни – продолжала Аня – на фазенде устраивали семейный пикник. Как-то раз Валера в гости привез своего друга оперативника. Они вдвоем были пьяны, перед тем как сесть за стол, они решили искупаться в реке. И, так получилось, что его друг захлебнулся в воде. Родственники погибшего нам не поверили, нашли кучу причин в нашей якобы

заинтересованности в убийстве. Всю семью посадили в тюрьму – маму, отца, нас. Позже родителей отпустили, а нас троих осудили, от восьми до двенадцати лет. Когда я тут сидела, в нашу камеру завели Костюк. Она рецидивистка по мошенничеству.

Постепенно Костюк стала настраивать камеру против меня за то, что я прокурорша и не должна сидеть за общим столом, что нужно загнать меня под койку и многое другое.

– А кто родственники этого парня?

В это время дверь в блок открылась, и конвой сказал нам:

– Пойдемте в камеру.

– Пожалуйста, вы могли бы пока оставить нас тут, отведете попозже?

– Вы долго будете ждать меня.

– Мы подождем.

– Ладно, только не шумите.

Аня продолжила прерванный разговор, куря сигарету. От тяжелых мыслей и я захотела покурить. Когда-то в молодости за компанию с подругами иногда курила.

– Это был младший брат нынешнего заместителя городского суда, помощника Республиканского прокурора и прокурора района. В то время они не занимали такие должности, но все же их род имели власть.

Наступило молчание, мы курили, и каждый думал о своем. Мне стало реально страшно за свое будущее. Меня могли осудить до двадцати лет лишения свободы за то, что я « не в то время и не с теми связалась» как сказал мне судья Кунгаа.

– Аня, если это дело рук Утопова (фамилия изменена), при чем тут я? Вендетта в отношении вас, но не в отношении меня.

– Именно вот это вселяет надежду, что это не заказное дело. Просто следствие вовремя не остановилось, наше задержание и обвинение получило большую огласку. Теперь следствие уже беспокоится за свое служебное положение. Тут в работу вступает система.

– Так нужно довести до них, что мы не будем жаловаться, лишь бы отпустили – Как я была наивна.

– Как? – спросила Аня.

Я тоже не знала, как. Это ведь нужно было довести до руководителя Следственного комитета Республики, где расследовали наше дело. Согласятся ли адвокаты, только через них можно было достучаться до руководителя, остановить весь этот кошмар, пока они

не наломали дров. Думаю, что следователи уже осознали, что не на тех напоролись. Эти молодые следователи практически на каждом шагу нагло нарушали закон. На этот раз они опять пришли без адвокатов. Мы могли ознакомиться с заключением экспертизы и без них внести замечания, но они нам нужны были для копирования этих экспертиз, так как следователи отказывались в предоставлении нам копий.

.....  
Карма – это то, что сопровождает человека, народ и государство на протяжении всего существования человека на земле. Она предопределяет, какие события будут происходить, а какие происходить не будут никогда. Эта условность относится как к хорошим событиям, так и к плохим.

Карма – это причинно – следственная взаимосвязь событий, определяющая наши нынешние и будущие условия жизни. Основная её система, которая хранит всю информацию обо всех жизнях человека, эти данные никогда не уничтожаются, и на основе которых карма принимает решение о дальнейшем судьбе человека, народа и государства.

Пример тому является еврейский народ, которые со времен Христа терпят изгнания и уничтожения.

Нынешнее положение России после распада СССР, схожа на феодальную раздробленность и гражданскую войну после революции. Как видите, Карма имеет место быть. Есть слово, и есть определение, значит, есть место этому явлению быть в жизни человека.

В наших обстоятельствах присутствовала карма семьи Ани и карма государства, которая имеет многовековой опыт осуждать и истреблять невиновных людей. Обо всем этом я познаю на много позже, когда узнаю о существовании своей кармы.

Я даже не подозревала, какие испытания и для чего выпали на мою долю. Если бы я тогда владела нынешним познанием, возможно, был бы другой ход событий.

Чем больше мы приводили доказательства о своей не виновности, тем больше давали возможность следствию, укреплять фальсификацию доказательств. Мы раскачивали маятник во вред себе. Нужно было отпустить ситуацию, как говорит Вадим Зеланд. Молча дойти до суда, и там начать предоставлять их.

Тем не менее, сейчас оглядываясь назад, могу сказать, что я должна была пройти эту дорогу жизни. Передо мной открывалась одна из сторон жестокой

реальности жизни и невероятные тайны природы. Мне предстояло пройти долгую дорогу в глубину своего собственного «Я» и окружающего мира.

### Глава 3

#### АЛЕКС

Единственное правило жизни, по которым нужно жить – оставаться человеком в любых ситуациях.

/Аристотель/

Мое сердце от боли разрывалась, от наглых действий следствия, от переживания за своих родных, от страха, от неизвестности. В первые, в жизни я почувствовала себя незащищенной. Мне нужен был телефон и сим-карта, для того, чтобы я круглосуточно была доступна для своих родных. Телефон, закрепленный за камерой, приходил после двенадцати часов ночи. Один телефон на всех женщин в камере, кроме и того, нельзя было игнорировать звонки из колоний и тюрьмы, которые часто звонили по пустым разговорам. Именно такие моменты меня раздражали, почему я должна общаться с этими мужчинами уголовниками, если у меня к ним не было никакого интереса. Я вообще не люблю пустые и долгие разговоры. Разговор должен быть ясным, конкретным и коротким.

За тюрьмой смотрели местные авторитеты, которые поддержали мою просьбу иметь свой личный телефон, но с одним условием, что мои родственники должны были, телефон передать человеку. Такой расклад меня не устраивал. Уголовники, ненадежный народ, могли и подставить, а я ни в коем случае втягивать сюда свою дочку не собираюсь.

Остался один выход, обратиться к русскому криминальному авторитету. Я разузнала, что в тюрьме на этот момент содержались двое русских авторитетов, Вован и Алекс – это тот Александр, который при выезде на суд поглощал меня глазами. Я написала ему мультку, объяснила ему суть дела и изложила свою просьбу. Утром под подушкой у себя, нашла от него мультку и две плитки шоколада с орехами, мои любимые. По адресу, мультка и один шоколад был от Алекса, а второй шоколад от Вована, хотя я к нему не обращалась.

Мульки, так называемые письма, скручивались в трубочку и запаивались целлофаном.

Алекс писал, что рад мне помочь, но нужно немного подождать. Еще он писал, что телефон нужно

будет прятать. Сам он сидит далеко, где с дорогой

сложно, поэтому он переговорил с Вованом, который сидит в камере напротив моих окон. Телефон будет хранить у себя Вован, и присылать мне сразу после вечерней проверки, а я должна буду возвращать ему утром по баланде. Если я пожелаю, то могу днем оставлять телефон у себя, но в дни обыска я должна буду его отсылать.

Таким образом, я приобрела для себя покровителей. Они действительно помогали мне во всем, ну и я помогала Алексу по уголовному делу. Позже Алекс стал мне признаваться в любви, хотя я никакого повода не давала. Я ему откровенно отвечала, что между нами могут быть только дружеские отношения, что у меня есть муж, которого я люблю.

Алекс и его подельники сидели в тюрьме второй год, обвинение было предъявлено, как я уже говорила по перевозке и сбыту героина. Алекс говорил, что он не причастен и не употребляет наркотики. У них уже шел суд по уголовному делу. Поэтому мы иногда сталкивались по этапу в городской суд, куда я часто выезжала по жалобам на действия следствия.

Вован и Алекс пополняли мне баланс на телефоне, присылали передачи. Когда я находилась в камере, телефон всегда был при мне. Другим женщинам, также удобно было днем общаться с семьей. Алекс меня предупреждал, об обысках.

#### РЕЖИМНИЦА

Однажды случился внеплановый обыск. Я не успела спрятать телефон, как открылась дверь в камеру. Заходят наша режимница и другие сотрудники, я в это время нажимаю на кнопку выключателя и подхожу к ней. Другие сотрудники не замечают моих действий, так как, заняты поверхностным осмотром, пока заключенные с вещами выходят в коридор. Я незаметно кладу в руки режимницы мой телефон. Она от неожиданности и от моей наглости опешила. В её глазах мелькнула, удивление и осуждение. При обыске заключенные со всеми вещами и с постельной

принадлежностью выходили в коридор. В коридоре, разворачивали матрасы, на котором сотрудники обыскивали вещи. Затем нас по очереди заводили в служебный туалет, чтобы провести личный осмотр. Телефон, мои судебные бумаги, корреспонденция, для меня представляли ценность. За каждой бумагой

закреплялась копия, ссылки, документы, их у меня накопилась две коробки. Однажды на обыске сотрудница все бумаги, у меня смешала, после чего мне пришлось весь оставшийся день приводить их в порядок, кроме того там находились и приговора других заключенных, а это является нарушением режима. В последующем обыске, я устроила скандал, после чего они перестали прикасаться к моей канцелярии.

Мне повезло, что сегодня режимница находилась в корпусе. Через некоторое время после обыска, она вызвала меня к себе в кабинет. Зайдя в кабинет, говорю ей:

– Простите, пожалуйста, у меня другого выхода не было. Вы же знаете, какое у нас положение. Это единственная связь с семьей.

– Ладно, ладно. Только больше такого не делай, а лучше вообще днем не держи его в камере. Видишь, какой у меня завал.

Она показывает на книги, занимающее всё свободное пространство на полу кабинета.

Библиотека тюрьмы была скудная, полки почти пустые, такую же картину, я увидела тут, много лет назад.

В середине 90х годов, я работала юристом в правозащитной организации при парламенте Республики. В тот период, мне поручили поработать по жалобам заключенных и посетить тюрьму. Были очень трудные годы, рост преступности, тюрьма была переполнена, кормить заключенных было нечем, люди по несколько лет сидели за следствием и в ожидании суда, как будто их закрыли и забыли. Бытовое состояние ужасное, из-за чего, увеличилось численность туберкулезников, а лекарств не хватало.

Увидев весь этот ужас, я сделала проект об организации марафона в помощь тюрьмы. Руководство с трудом, но поддержали меня. Суть проекта состоялся, в обращении к населению Республики, с просьбой в оказании любой помощи для тюрьмы. К большому удивлению для других, сомневающихся в моем проекте, она прошла успешно. Люди несли, не нужные вещи, хозяйственную живность, и много литературы. Таким образом, была поставлена начала подсобного хозяйства тюрьмы, а библиотека заполнена.

С тех пор, прошло около 18 лет, конечно, от той библиотеки мало, что осталось. Заключенные, книги пускают на дрова, чтобы сварить стакан чифирия,

говорят, на огне вкуснее получается. Я считаю, это кошуномством, по отношению к книгам, к знаниям.

Режимница говорит мне:

– После ремонта квартиры книги вывезли в гараж, а там они стали портиться от сырости. Пришлось некоторые выбросить, остальное вести сюда, жалко ведь, пропадут. В библиотеку не хочу отдавать, сама, понимаешь, сожгут все на чай.

Тем временем, я перебираю книги. Основная часть романы, которые в наше время издают много, я их не читаю, скучно. Выбрала для себя пару исторических книг:

– Можно я возьму?

– Конечно, возьми. Видишь, мне сделали стеллаж для книг. Мне нужны женщины, для того, чтобы протереть их и разложить.

– На полках места не хватит. Зачем женщины, я могу сделать, одна. Разложу по жанрам. За одно, цветы полью и сделаю уборку у вас.

– Отлично, остаток книг можешь положить в шкаф. Я пока пойду, а тебя закрою тут.

Как я благодарна ей, за доброту и взаимопонимание. Я с удовольствием занялась делом, отвлеклась от суеты камерной жизни, тишиной и одиночеством. Даже в мирной жизни, я люблю побыть одна. Говорят одиночество не бояться, люди

достигшие мудрости. В моем понимании, чем старше человек, тем мудрее становится.

Источник нашей мудрости – это опыт.

Источник нашего опыта – это наши, ошибки.

Бедные мои дети как они там, о чём думают. Хорошо, что они в начале своей взрослой жизни, столкнулись с этой несправедливостью. Мне гораздо труднее было осознать, что закон и вся власть фальшива. Всё сознание, чем я жила до сорока одного года, оказалось обманом, иллюзией. Как дальше жить, а будет ли жизнь, стоит ли жить. Если осудят на двадцать лет за преступление, которое не совершала? Жутко, до костей мозга пробирает холод.

Нужно разгрузить мозг, почитать, лёгкую литературу, пожалуй, почитаю роман. Я была рада, что режимница дала мне возможность побыть одной. К её приходу, в кабинете все было прибрано, и я возвращалась в камеру с книгами для сокамерниц и с телефоном. Как мало, человеку нужно для жизни.

.....  
Каждый человек привыкает жить в своем доступном

комфорте. Принимать одни и те же решения, которые ведут к одним и тем же результатам. Торопимся зарабатывать больше денег, при этом иногда даже пренебрегая потребностью общения с родными. Такой односторонний подход нарушает человеческую природу жизни, образовывается дисбаланс. В концовке происходит, что то такое, что выбивает человека из привычной обстановки и направляет в другое течение жизни. Все это делается для того, чтобы вывести его из сонного состояния. В однообразной обыденной жизни, человек забывает о чувствах и способностях, которыми одарил его Творец. Человек разумное существо только потому, что наделен чувством любви, понимания, сострадания, добра и радости. Именно эти качества способствуют ему творить великие произведения и отличаться от других существ.

### ОЧНАЯ СТАВКА

Ночью, Аня мне передала, что завтра назначена очная ставка с Костюк. Как я рада, наконец – то, разберутся, наконец – то мы достучались.

Невозможно, и нельзя, четверых, невиновных людей обвинить и осудить, это равносильно казни. Сообщаю, родным, что скоро буду дома, быстрее бы настало утро.

Утром проснулась по раньше, нанесла легкий макияж, надела любимое шерстяное платье и ботильоны, волосы заколола на затылке. В десять часов нас вывели из камеры, Аня так же, с прекрасным настроем, на ней серая водолазка, черная узкая юбка и сапожки на каблучках. Аня говорит мне;

– Не вериться, что скоро все закончиться, Костючке трудно будет выдумать действия четверых, для нормального человека это не реально.

– Я тут подумала, может быть моего водителя Диму вызвать, в качестве свидетеля. Он же возил нас с Костюк, в сентябре на эту квартиру для показа. Поделилась я с Аней.

– Конечно надо, кроме того, он подтвердит показания хозяйки квартиры, о том, что квартира была пустая, не в мае, а в сентябре.

Привели Валеру, видно, что он тоже в хорошем расположении духа.

В тюрьме было две мужских камер для бывших сотрудников (БС). Одна камера, где содержался Валера, располагался на третьем этаже женского корпуса, на одном этаже с малолетками. Малолетки считали оскорбительным, вести дорогу с БС, поэтому

их дорога шла через женские камеры. Вторая камера БС, где содержался Андрей, находился в мужском корпусе.

Андрея вывели из камеры, увидев наши радостные лица, он нам сказал сдержанно:

– Рано радуетесь. Еще неизвестно, что она начнет бредить, у неё богатая фантазия.

– Нет надежды только у мертвых Андрей, все у нас будет хорошо – сказала я, ободряюще.

Нас загрузили, в маленький автобус, в котором имелись три одиночных камер и одна общая на четверых. Не пойму кого они возят в этих камерах, даже я с трудом, умещалась в этой камере.

Привезли нас во двор Следственного комитета прокуратуры. Через некоторое время, первой вызвали меня. Завели в просторный кабинет, на три стола, два из которых были пустующими. За третьим столом сидел мужчина, примерно моего возраста, лицо достаточно симпатичное, вызывающее доверие.

## **Конец ознакомительного фрагмента.**

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.